
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНИМАНИИ КОГНИТИВНОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Гуляева Елена Евгеньевна¹

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия
e-mail: gulya-eva@yandex.ru

***Аннотация.** В статье анализируются представления о когнитивной свободе личности и направлениях ее защиты, существующие в области права. Автор отмечает, что при применении современных нейротехнологий возникает необходимость дополнительного правового обеспечения прав и свобод человека, констатирует факт появления совершенно новых составов преступлений (нейрохакинг и нейроцид). Кроме того, у участников публичных отношений возникают новые проблемы охраны коммерческой тайны (например при использовании данных нейропротезов и др.), а также новые аспекты кибербиобезопасности и нейробезопасности. Когнитивная свобода индивида предусматривает свободу контролировать свои собственные психические процессы, познание и сознание. Защита когнитивной свободы включает в себя реализацию таких прав, как право на здоровье и психическую свободу, а также развитие и соблюдение этико-правовых норм. Автор приходит к выводу, что следует рассматривать когнитивную свободу как новое право в списке основополагающих прав человека.*

***Ключевые слова:** свобода; когнитивная свобода; нейротехнологии; права человека; правовое регулирование.*

***Для цитирования:** Гуляева Е.Е. К вопросу о правовом понимании когнитивной свободы личности // Социальные новации и социальные науки. – 2022. – № 4. – С. 76–86.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2022.04.06

Рукопись поступила 01.10.2022

Принято в печать: 20.10.2022

¹ © Гуляева Е.А., 2022

Введение

На протяжении всей истории развития человечества вопрос свободы, определения ее сущности, важности и значения как для отдельно взятой личности, так и для государства и общества, волновал многих исследователей в области гуманитарных наук, в том числе и правоведов. Ценность свободы и ее идеал существуют (хотя и не в одном и том же качестве) в течение практически всего периода существования философско-правовой мысли. Доказательством этого утверждения служат многочисленные работы ученых, философов, правоведов на разных этапах исторического пути, таких как И. Кант, Дж. Локк, Ж.-П. Сартр, Н.А. Бердяев, Вл. Соловьев, М.А. Супатаев, Б.Н. Чичерин, Т.В. Милушева, В.С. Нерсесянц, О.И. Цыбулевская и др.

«Четвертая промышленная революция»¹ претворила в жизнь инновационные технологические решения в биологическом², физическом и цифровом блоках, которые побуждают государства активнее разворачивать программы поддержки цифровой трансформации, происходящей во всем мире. Сегодня важнейшие элементы общественного бытия уже перенесены в виртуальное пространство со специфической темпоральностью новых технологий, что повлекло за собой революционные преобразования и в системе управления (от электронного правительства и «умных» городов до «Интернета вещей»). «Это побуждает к применению политических механизмов стимулирования (программы всеобщей цифровизации и т.п.)» [Шестакова, 2019, с. 26] в контексте формирующейся цифровой цивилизации. При этом практически все государства в вопросе обеспечения безопасности сталкиваются с «проблемой ускорения исторического времени»³. Не менее значимые изменения происходят и в области обеспечения прав человека.

Отличительной особенностью современного международного права является распространение международно-правового регулирования на права человека. По мнению выдающегося юриста-международника Г.И. Тункина, это стало «великой революцией в международном праве» [Тункин, 1994, с. 18]. В настоящее время реальной возможностью становятся манипуляции с функционированием человеческого мозга. Однако ни одно государство, утверждающее, что оно уважает права

¹ Этот термин был введен в 2011 г. в рамках немецкой инициативы «Индустрия 4.0» как проекта государственной Hi-Tech стратегии, в основе которой лежит использование мобильного Интернета, искусственного интеллекта и обучающихся машин. В 2016 г. эта тема была высоко оценена на Всемирном экономическом форуме в Давосе, президент которого, Клаус Шваб, стал автором соответствующего бестселлера. См.: [Шваб, 2018].

² О достижениях в биологической сфере, новых возможностях синтетической биологии, а также юридических и этических проблемах, связанных с генетическим секвенированием и геномным редактированием, см. подробнее: [Гуляева, Трикоз, 2020; Трикоз, 2019; Трикоз, Гуляева, 2018; Трикоз, Мустафина, Гуляева, 2021].

³ См., напр.: Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Февраль 2005 г. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-na-nazarbaeva-narodu-kazahstana-fevral-2005-g (дата обращения: 26.10.2022).

и основные свободы человека и обязывается их соблюдать, не должно осуществлять принудительное манипулирование психическим состоянием своего населения. В этой сфере необходимо строго соблюдать этические принципы, закрепить новые нормы в международном и национальном правах государств.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей нормативно-правовых актов, которые должны регулировать применение современных технологий в области совершенствования когнитивных способностей человеческого мозга.

Трактовки понятия «свобода»

При кажущейся простоте феномен свободы является сложным как для понимания, так и для практического воплощения в формах, институтах, нормах, процедурах и отношениях общественной жизни. В настоящее время не существует единого понимания термина «свобода». Определение и толкование зависит от множества факторов: исторической эпохи, познавательных способностей и внутреннего мира субъекта восприятия. Именно поэтому существует большое количество определений данного понятия, а исследования правовых аспектов свободы не теряют своей актуальности и юридической значимости.

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой свобода определяется «как возможность проявления субъектом своей воли на основе сознания законов развития природы и общества» [Ожегов, Шведова, 1997]. Профессор В.И. Левин толкует понятие свободы как «возможность выбора при осознании субъектом наличия вариантов такого выбора» [Левин, 2010].

Первоначально свобода рассматривалась как природная данность, физическая свобода. Так, в знаменитом учебнике римского права «Институции» Гая все люди подразделяются на свободных и рабов [Дигесты Юстиниана, 2002, с. 117]. Современные представления о феномене свободы берут свое начало из эпохи гуманизма – от идей о человеке как мере всех вещей, личности как наивысшей общественной ценности и свободе личности как неотъемлемом праве индивида на проявление его духовной жизни, внутренних мыслей, желаний и чувств, которые отличают его от других [Аллахвердийев, 2011]. Соответственно, свобода может рассматриваться в двух аспектах: как потенциальная, внутренне осознаваемая (идеальная составляющая) и объективно существующая, реальная возможность ее реализации в конкретных условиях социальной действительности (материальная составляющая) путем активной деятельности или бездействия.

Благодаря накопленному человеческому опыту трактовка термина «свобода» расширилась. Со временем он стал употребляться как синоним субъективного права. Именно субъективное право сейчас рассматривается как мера свободы. Если эта мера сведена к нулю (к полной несвободе), всякие отношения утрачивают правовой характер [Варламова, 1991, с. 51].

Профессор Б.С. Эбзеев отмечает, что «правовое воздействие на личность <...> ограничивается, главным образом, регулированием отношений в сфере индивидуальной свободы и безопасности» [Эбзеев, 1982, с. 104]. Интересно отметить, что известные советские ученые, рассматривая категорию «свобода» в уголовно-правовом контексте, указывали на ее связь со свободой передвижения и распоряжения собой [Ной, 1965, с. 27]), а также на ее понимание одновременно как в физическом, так и в социальном и социально-психологическом смыслах [Сундуров, 1980, с. 12].

В свою очередь право «есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях», – писал отечественный философ и правовед Е.Н. Трубецкой [Трубецкой, 1917]. Г.В.Ф. Гегель отмечал, что основой права, его особым пунктом является свободная воля, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа [Гегель, 1977].

Л.И. Петражицкий (1861–1931), основатель психологической школы права в России, считал, что «эмпирическая наука изучает два вида бытия – физическое и психическое». Право как одно из явлений бытия принадлежит миру психики и представляет собой императивно-атрибутивное (обязательно-притязательное) переживание людей [Петражицкий, 1907]. По его мнению, «человеческие поступки могут быть свободными и связанными», а «сознание внутренней связанности воли, поведения человека» Петражицкий именуется «этическим сознанием» или «сознанием этического долженствования» [Петражицкий, 1907]. Более того, как отмечает правовед, в основе сознания лежат особые эмоции, которые переживаются как внутренняя помеха свободе и которые побуждают человека к какому-либо действию. Особо упоминаются в работе известного юриста тезисы о самовыражении воли человека независимо от других участников взаимодействия, и о том, что поступки должны совпадать с внутренней разумной свободой [Петражицкий, 1907]. При этом, по мнению профессора, «внутренние барьеры указывают на необходимость выбора между действиями, продиктованными разумом и инстинктами». Поэтому он приходит к выводу, что свобода, понимаемая как «независимость от внешних ограничений, есть своеволие, отрицающее ограничение своей свободы и равнодушное к чужой свободе» [Петражицкий, 1907].

Одним из мощнейших средств совершенствования человека и общества являются информационные технологии. В результате четвертой технологической революции происходят заметные изменения в общественных отношениях. Трансформация последних стимулирует развитие теории права и правовых практик, ведет к зарождению новых направлений в философии права, в том числе появлению представлений о когнитивной свободе личности.

Проблематика когнитивной свободы и ее правовое измерение на универсальном и национальном уровнях

Как известно, когнитивная свобода, или «право на психическое самоопределение» представляет свободу индивида контролировать свои собственные психические процессы, познание и сознание. Профессор Тимоти Лири выделяет «две новые заповеди молекулярного века»: ты не должен изменять сознание ближнего; ты не должен мешать ближнему изменять свое сознание [Leary, 1965].

Исследователи К. Бублиц и Р. Меркел признают по крайней мере три «взаимосвязанных, но не идентичных измерения» когнитивной свободы. К ним относятся: 1) свобода изменить свое мнение или решить изменить его, а также средства, с помощью которых осуществляется такое изменение; 2) защита психической целостности, т.е. от вмешательства в сознание; 3) этическое и юридическое обязательство государств по соблюдению когнитивной свободы [Bublitz, Merkel, 2013]. Эти три измерения характеризуют когнитивную свободу как «сложное» право, которое включает в себя негативные и позитивные свободы. Среди первых мы выделяем свободу выбора своей собственной познавательной области при отсутствии препятствий или запретов, включая государственные, а также свободу осуществлять право на психическую неприкосновенность при отсутствии ограничений или нарушений со стороны третьих лиц, таких как корпорации, субъекты криминальной деятельности или даже государство. Среди позитивных свобод Бублиц и Меркел упоминают возможность действовать, полностью контролируя «приватность» разума [Bublitz, Merkel, 2013].

Как заявляют один из ведущих специалистов по биоэтике Марцелло Йенка и его коллега Пим Хаселагер: «Наши мысли – это последнее пристанище личной свободы, однако прогресс в области нейронной инженерии и методов визуализации мозга ставит под удар свободу разума. Мы предлагаем законодательно прописать право человека на отказ от принудительного или инвазивного применения таких технологий, а также обеспечить защиту физических и психических аспектов разума от возможного ущерба» [Ienca, Haselager, 2016].

По мнению многих ученых, человеческий интеллект имеет неограниченный потенциал для развития. Однако в рамках различных философских течений отношение к возможности применения информационных технологий для совершенствования когнитивных способностей людей не совпадает. Гуманисты представляют Даркнет¹ в качестве особого пространства, в котором воплощаются свобода и творческая энергия человека. Анархопримитивисты же считают, что любые

¹Теневой Интернет, или Даркнет – это скрытая группа веб-сайтов, доступная только через специализированные браузеры. Они используются для сохранения анонимности и приватности действий, совершаемых в Интернете, – как законных, так и не очень. См.: Что такое глубокий и теневой Интернет // Kaspersky. – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/deep-web> (дата обращения: 26.10.2022). – *Прим. ред.*

технологии являются вмешательством в естественную природу человека, так как их использование всегда связано с осуществлением определенного контроля и формированием иерархических систем. Тем самым, по их мнению, они служат средством закабаления человека [Васильев, Ибрагимов, Васильева, 2019]. Последователями упомянутых идей являются так называемые неолуддисты, которые считают единственно возможным способом выйти из технологического «рабства», вернувшись к традиционным способам ведения хозяйства [Горбачева, 2016].

Группа швейцарских ученых, возглавляемая юристом из Университета Цюриха и специалистом по нейроэтике из Базельского университета, предлагает ввести в международное гуманитарное право такое понятие, как «когнитивная свобода», или «свобода разума» [Lenca, Andorno, 2017]. Однако этого пока не сделано.

В настоящее время, комментируя ч. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации 1993 г., закрепляющей право на свободу и личную неприкосновенность, некоторые российские специалисты отмечают, что в ней «имеется в виду свобода человека как часть личных прав и свобод граждан, образующая два института: 1) неприкосновенность личности; 2) неприкосновенность частной жизни» [Конституция Российской Федерации : научно-практический комментарий, 1997, с. 216]¹. А право на личную неприкосновенность включает в себя физическую, нравственную, психическую неприкосновенность и личную безопасность [Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий, 1997, с. 216]. Таким образом, можно увидеть, что данное право интерпретируется более широко, чем в международном праве, за счет включения в него неприкосновенности частной жизни, нравственной, физической и психической неприкосновенности [Гуляева, 2013]. Профессор В.А. Мирошникова указывает на то, что «неприкосновенность человека включает как физическую неприкосновенность (жизнь, здоровье), так и духовную неприкосновенность (честь, достоинство)» [Мирошникова, 1997, с. 27]. С незначительными расхождениями подобную позицию можно встретить и в других комментариях к российской Конституции², а также научных работах (см. например: [Морозов, 2002, с. 11]). Хотя наблюдаются и более узкие подходы к пониманию рассматриваемого права, близкие или соответствующие современному международно-правовому [Козлова, Кутафин, 2003, с. 261; Конституционное право ... , 2008, с. 151; Баглай, 2007, с. 215–219; Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий, 1997, с. 153–159].

Роль когнитивной свободы в международном гуманитарном праве

Сегодня сфера международного права, бесспорно, более открыта для всевозможных эклектичных взглядов и тем, включая эмоциональные аспекты.

¹ Идентичную позицию можно встретить в книге: [Конституция Российской Федерации, 2003, с. 67–68].

² См., напр.: [Комментарий к Конституции ... , 1996, с. 98–104; Комментарий к Конституции ... , 2002, с. 147–157].

Примеров, иллюстрирующих вовлеченность эмоций во все вопросы международного права, достаточно много. И хотя немногие специалисты в сфере международного права стали бы отрицать роль влияния эмоций на наш мир и возражать против того, что понятие «право» – это социальная конструкция, эмоциональным аспектам международного права уделяется очень мало внимания. Необходимо начать воспринимать эмоции серьезно, так как современные проблемы, с которыми международное право имеет дело, реальны и чрезвычайно важны. Международное правотворчество и правоприменение направлено на борьбу с глобальными угрозами здоровью человека, на обеспечение безопасного и достаточного питания и регулирование военных действий. При этом принимаемые и применяемые законы определяются не только рациональными фактами и данными. Наоборот, международное право влияет на эмоции и вносит в них свой вклад, а эмоции в свою очередь воздействуют на восприятие международного права¹. Например, попытка понять страх и обеспокоенность потребителей распространением генетически модифицированных или иных, с любой точки зрения «неестественных», продуктов открывает поле для объяснения и обоснования предписаний по пищевой безопасности в более убедительной форме.

Социальные психологи и нейробиологи аргументированно заявляют, что познание (в смысле понимания, представления и обоснования) и эмоции разделить нелегко. Некоторые даже считают подобное разделение устаревшим [Haidt, 2001; Dolan, 2002]. Недавние открытия в нейробиологии выдвигают на первый план более интегрированный, смешанный подход к пониманию отношений между познанием и эмоциями. Он основан на том, что эмоции тесно связаны с сознанием, а также с когнитивным восприятием и восприятием через органы чувств [Hutchinson, Bleiker, 2014]. Марта Нуссбаум называет эмоции «оценками, или оценочными суждениями». Она считает их частью когнитивного процесса [Nussbaum, 2001]. Другими словами, эмоции влияют на наше понимание мира и, следовательно, на решения, которые мы принимаем.

Практикующие юристы и теоретики права редко полностью отрицают значимость эмоций. Тем не менее они придерживаются устоявшегося мнения, что право должно основываться на разуме, а эмоциям в нем нет места. Выдающийся британский ученый нашего времени из Лондонской школы экономики и политических наук Джерри Симпсон ссылается на Канта, подчеркивая доминирующее «ортодоксальное, постпросвещенческое» разделение сознания на «инструмент для вычислений и чертоги страсти». Более того, он говорит о тенденции «рассматривать эмоции как нечто неважное и второстепенное» [Simpson, 2015, p. 10–11; Simpson, 2021]. Исследователь Пьер Шлаг точно отметил неуместную (или несоразмерную) приверженность доминирования разума в американской правовой традиции. Его критические замечания в равной степени относятся и к международному праву [Schlag, 1998].

¹ О влиянии права на эмоции см.: [Minow, 2015, p. 1627].

Нежелание признавать влияние эмоций из-за опасений (может быть, и оправданных), что неясные, субъективные, эфемерные ощущения могут представлять угрозу для четких, объективных, осязаемых, рациональных основ международного права, с нашей точки зрения, является нежеланием принимать мир таким, какой он есть. Практики и теоретики международного права должны учиться у социальных психологов, нейробиологов и коллег, которые внедряют понятие «эмоции» в юридическую дисциплину. Мы должны признать, что эмоции – это не предубеждения и отход от истины, которые нужно искоренить. Эмоции нужно понять и воспринять как центральный компонент обоснованного принятия решений [Saab, 2021]. Профессор международных отношений Роуз Макдермотт считает, что понимание роли человеческих эмоций в принятии решений очень важно для выстраивания эффективной и взвешенной политики по отношению к киберсфере [McDermott, 2019].

Вместе с тем, согласно отчету вышеупомянутой группы нейробиологов, увеличение человеческих возможностей помимо подрыва аутентичности человека будет влиять на социальные нормы, создавая проблемы равного доступа к технологиям и порождая новые формы дискриминации. В гражданской жизни возможность подключения мозга к Интернету через интерфейс повысит вероятность создания сверхлюдей *omnipotent* или «всемогущих». Это обстоятельство, если оно не основано на врачебных рекомендациях по излечению патологий, может привести к возникновению новой социальной группы, которая отличалась бы от остальных своими усовершенствованными человеческими качествами. Следует подчеркнуть, что искусственно усиленная биология человека предосудительна с этической точки зрения. Она напоминает о печально известных нацистских медицинских экспериментах и требует задействовать международное право для регулирования данного вопроса.

Вне зависимости от позиции в этих дискуссиях ясно, что особенно серьезного обсуждения и обдумывания требуют эмоциональные аспекты использования искусственного интеллекта в войне. В настоящее время армии мира уже обсуждают возможность оснащения своих сил усовершенствованными ментальными способностями (суперинтеллектуальными агентами), чтобы лучше предугадывать боевую конфигурацию и более умело расшифровывать потоки данных.

В международном гуманитарном праве используется концепция «разумных командиров», особенно при оценке принципа пропорциональности (соразмерности) действий со стороны государства в отношении гражданских лиц другой стороны конфликта, т.е. государства-противника или повстанцев. Разумные командиры являются таковыми не из-за отсутствия эмоций, а, напротив, благодаря их способности испытывать человеческие эмоции, сочувствовать, сострадать и понимать важность чувства собственного достоинства.

Использование смертоносных автономных систем вооружений (САСВ), полностью или частично свободных от управления человеком (как, например, широко применяемые сейчас во время

военных действий дроны), обостряет проблему адекватности принимаемых решений. С точки зрения противников САСВ, эмоции необходимы во время войны для значимого контроля со стороны человека. В 2016 г. государства – участники Конвенции о конкретных видах обычного оружия создали группу правительственных экспертов по САСВ, которая с тех пор ежегодно собирается в Женеве. Несомненно, специалисты в области международного права должны активно участвовать в этих обсуждениях. Не менее важно мыслить в направлении согласования международного военного законодательства и гуманитарного права.

Заключение

В январе 2022 г. в ЮНЕСКО было предложено расширить список основных прав и фундаментальных свобод, предусмотренных во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., включив в него новые права и свободы, появившиеся благодаря влиянию четвертой промышленной революции. Когнитивную свободу можно рассматривать как новое право, которое зародилось в результате применения нейротехнологий и которое можно понимать как пересмотр сути свободы воли человека.

При этом «когнитивная свобода» является многомерным понятием, которое трудно определить ввиду его комплексного характера. Проблематика когнитивной свободы и ее правовое измерение требуют дальнейшей проработки со стороны юридического сообщества. В настоящее время назрела необходимость принятия комплекса правовых норм с целью недопущения манипулирования государствами и отдельными лицами психическим здоровьем населения, а также совершения ими общественно опасных деяний.

Список литературы

1. Аллахвердийев Г. Взаимосвязь свободы и гуманизма // *Власть*. – 2011. – № 8. – С. 84–87.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. – 6-е изд., изм. и доп. – Москва : Норма, 2007. – 784 с.
3. Варламова Н.В. Правоотношения: философский и юридический подходы // *Правоведение*. – 1991. – № 4. – С. 44–54.
4. Васильев А., Ибрагимов Ж., Васильева О. Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования // *Юрилингвистика*. – 2019. – № 12. – С. 10–12.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3-х т. / отв. ред. Е.П. Ситковский. – Москва : Мысль, 1977. – Т. 3 : Философия духа. – 471 с.
6. Горбачева А.Г. О социально-экономических последствиях внедрения конвергирующих технологий в жизнь человека // *Человек. RU*. – 2016. – № 11. – С. 96–105.
7. Гуляева Е.Е. Правовые основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 208 стр.
8. Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. Юридические аспекты генетических исследований в странах Латинской Америки (опыт судебной генетики в Аргентине) // *Международный правовой курьер*. – 2020. – № 3/4. – С. 55–59.
9. Данельян А.А., Гуляева Е.Е. Нейробезопасность как новое направление в международном праве // *Международный правовой курьер*. – 2022. – № 4. – С. 17–21.
10. Дигесты Юстиниана : пер с лат. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – Москва : Статут, 2002. – Т. 1, кн. 1–4. – 584 с.
11. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрист, 2003. – 585 с.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. – Москва : Фонд «Правовая культура», 1996. – 552 с.

13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В.Д. Карповича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2002. – 959 с.
14. Конституционное право России : учебник / под ред. А.Е. Постникова. – Москва : Проспект, 2008. – 224 с.
15. Конституция Российской Федерации : научно-практический комментарий и семантический словарь / под ред. И.С. Яценко. – Москва : Бератор-Пресс, 2003. – 751 с.
16. Конституция Российской Федерации : научно-практический комментарий / под ред. и со вступит. статьей Б.Н. Топорнина. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 1997. – 716 с.
17. Конституция Российской Федерации : проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. – Москва : Центр конституц. исслед. Моск. обществ. науч. фонда, 1997. – 702 с.
18. Левин В.И. Философия, логика и методология науки : толковый словарь понятий. – Пенза : Пензенский государственный технологический университет, 2010. – 67 с.
19. Мирошникова В.А. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – Москва : ЭКМОС, 1997. – 176 с.
20. Морозов А.П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : специальность 12.00.10 / Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2002. – 28 с.
21. Ной И.С. Теоретические вопросы лишения свободы. – Саратов : Саратовский гос. университет, 1965. – 166 с.
22. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1997. – 939 с.
23. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2-х т. – Санкт-Петербург : Тип. СПб. акц. о-ва «Слово», 1907. – Т. 1. – 308 с. ; т. 2. – 310–656 с.
24. Сундуров Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки ее эффективности. – Казань : Издательство Казанского университета, 1980. – 216 с.
25. Трикоз Е.Н. Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики (обзор международного круглого стола) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. – 2019. – Т. 23, № 1. – С. 141–154.
26. Трикоз Е.Н., Гуляева Е.Е. Позиции ЕСПЧ по некоторым вопросам биоэтики и генетических данных // *Advances in law studies. scientific and theoretic journal*. – 2018. – Т. 6, № 4. – С. 36–40.
27. Трикоз Е.Н., Мустафина-Бредихина Д.М., Гуляева Е.Е. Правовое регулирование процедуры генного редактирования : зарубежный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 67–86.
28. Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания : опыт преодоления Канта и кантианства. – Москва : Путь, 1917. – 335 с.
29. Тункин Г.И. Международное право : наследие XX века // Российский ежегодник международного права, 1992. – 1994. – С. 8–21.
30. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. – Москва : Бомбора, 2018. – 320 с.
31. Шестакова И.Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации : будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 20–29.
32. Эбзеев Б.С. Конституционные основы свободы личности в СССР / под ред. И.Е. Фарбера. – Саратов : Саратовский государственный университет, 1982. – 137 с.
33. Bublitz C, Merkel R. Guilty minds in washed brains? Manipulation cases and the limits of neuroscientific excuses in liberal legal orders // *Neuroscience and legal responsibility* / ed. by N.A. Vincent. – New York : Oxford university press, 2013. – P. 335–374.
34. Dolan R.J. Emotion, cognition, and behavior // *Science*. – 2002. – Vol. 298, N 5596. – P. 1191–1194.
35. Ienca M., Haselager P. Hacking the brain : brain–computer interfacing technology and the ethics of neurosecurity // *Ethics and information technology*. – 2016. – Vol. 18, N 2. – P. 117–129.
36. Haidt J. The emotional dog and its rational tail : a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological review*. – 2001. – Vol. 108, N 4. – P. 814–834.
37. Hutchinson E., Bleiker R. Theorizing emotions in world politics // *International theory*. – 2014. – Vol. 6, N 3. – P. 491–514.
38. Ienca M., Haselager P. Hacking the brain : brain–computer interfacing technology and the ethics of neurosecurity // *Ethics and information technology*. – 2016. – Vol. 18, N 2. – P. 117–129.
39. Leary T. Politics of ecstasy. – New York : G.P. Putnam’s Sons, 1965. – 250 p.
40. Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life sciences, society and policy*. – 2017. – Vol. 13, N 1. – P. 1–27.
41. McDermott R. Some emotional considerations in cyber conflict // *Journal of cyber policy*. – 2019. – Vol. 4, N 3. – P. 309–325.
42. Minow M. Forgiveness, law, and justice // *California law review*. – 2015. – Vol. 103, N 6. – P. 1615–1646.
43. Nussbaum M.C. *Upheavals of thought : the intelligence of emotions*. – Cambridge : Cambridge university press, 2001. – 751 p.
44. Saab A. Emotions and international law // *ESIL Reflections*. – 2021. – Vol. 10, N 3. – P. 1–10. – URL: <https://esil-sedi.eu/wp-content/uploads/2021/09/ESIL-Reflection-Saab.pdf> (дата обращения: 02.11.2022).
45. Schlag P. *The enchantment of reason*. – Durham : Duke university press, 1998. – 176 p.

46. Simpson G. The sentimental life of international law : literature, language, and longing in world politics. – New York : Oxford university press, 2021. – 240 p.
47. Simpson G. The sentimental life of international law // London review of international law. – 2015. – Vol. 3, N 1. – P. 3–29.

ON THE LEGAL UNDERSTANDING OF PERSONAL COGNITIVE LIBERTY

Elena Gulyaeva

PhD (Law. Sci.), Associate Professor, Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. *This article is devoted to the issue of legal nature of cognitive freedom. The protection of cognitive freedom includes the realization of such rights as the right to health, the right to mental freedom, the right to development, compliance with ethical standards, legal support for cyberbiosecurity and neurosecurity, the emergence of new crimes (neurohacking and neurocide), problems of protection of trade secrets (for example, computer programs for reading dreams, neuroprostheses), as well as compliance with the positive and negative obligations of states. The author of this article concludes that it is necessary to consider cognitive freedom (freedom of knowledge, the right to mental self-determination) as a completely new right in the list of human rights, aimed at preserving the very essence of human nature. Cognitive freedom includes the freedom of the individual to control his or her own mental processes, cognition and consciousness.*

Keywords: *freedom; cognitive liberty; neurotechnology; human rights; legal regulation.*

For citation: Gulyaeva E.E. On the legal understanding of personal cognitive liberty // Social novelties and social sciences. – 2022. – N 4. – P. 76–86.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2022.04.06